

Глава 1. Приятно познакомиться! Мотохама Хасибэ, умер на следующей неделе

3 декабря 1999 года, 7:08, Япония, архипелаг Хонсю, город Осака, район Кадома.

Рёв будильника настойчиво продолжал раздражать смертельно уставшего паренька, который был не в силах подняться с кровати. Его постоянно бросало в дрожь от холода, а приснившийся ночной кошмар настолько пугал реализмом, что Мотохама Хасибэ не был уверен в том, спал ли он вообще.

В любой другой день Хасибэ-кун не удивился бы такому сновидению, тем более что оно более чем нормальное. За ним не гонялись голодные кактусы, в небе не плыли огурцы, а курица не выступала за олимпийскую сборную Японии. И ведь все эти сны когда-то пришли в голову Хасибэ. Ну разве может нормальный человек видеть подобное?

Поскольку аномалия для Мотохамы была нормой, он очень удивился нормальному сну. Всё его тело жутко затекло, особенно болел правый бок и рука, а от ледяного ветра не спасало даже одеяло. Соню знобило несмотря на то, что на улице было градусов пятнадцать.

Прилагая ужасающе тяжёлые усилия, Хасибэ-кун раскрутился из своего «кокона» и медленно сполз с кровати на пол, подбираясь к тумбочке, на которой гремел будильник. Вопль часового механизма был настолько омерзителен, что поднял бы и мёртвого.

Каждое движение давалось на удивление тяжело, будто бы на руки Хасибэ привязали мешки с гравием, а на спине сидит пара друзей-сумоистов. Не желая больше терпеть боль, Мотохама тяжело вздохнул, и его кулак резким рывком достиг тумбочки – та качнулась от удара, а будильник упал на пол и разбился: треснуло стекло, отлетела крышка и рассыпались стрелки.

- Бездущное устройство.

Спокойно выругавшись, Хасибэ попытался подняться на своих двоих, но тут его голова буквально взорвалась от лёгкости. Ему показалось, что всю жизнь он жил со странной умеренной болью внутри черепа, а сейчас эта самая боль сменилась катастрофически томной пустотой, не дающей голове прийти в норму. Возможно, так себя чувствовали те, кто умирал от обезглавливания.

Каждый рабочий день Мотохамы начинался всегда одинаково: он с трудом просыпался, умывался, готовил завтрак себе и родителям, а затем спешно покидал дом, садился на автобус до школы и проводил скучные часы в месте, в котором не хотел находиться.

Недалеко от его дома располагалась железнодорожная станция Суминодо, но из-за собственных предпочтений Хасибэ-кун оставался верен автобусному парку, хотя его школа находилась достаточно далеко. Возможно, он и сам не понимал, почему добирается до учёбы на старом автобусе, а не новом скороходном поезде. Такой уж у него характер.

К слову, большинство людей считали Мотохаму Хасибэ лентяем, грубияном и в целом странным человеком. Особенно сказывалась на этом мнении его странная причёска – длинные, до ушей, чёрные волосы с чёлкой, закрывающей взгляд. Они всегда выглядели неухоженными, хотя Хасибэ и содержал их в идеальной чистоте.

Сам же Мотохама не был тем типом людей, которые избегают трудностей, напротив, он

стремился к ним, старался преодолеть преграды, а каждая частичка жизни для него была игрой, в которой запрещено проигрывать.

Уделив своему внешнему виду в стиле «я живу на вокзале» достаточно много времени, Хасибекун убрал за собой постель, но, когда он складывал одеяло, из него выпало что-то незнакомое.

Золотые карманные часы сверкали в лучах утреннего солнышка, нащёптывая новому хозяину свою заоблачную цену. Такие часы можно было найти либо в антикварных лавках, либо в старых фильмах. Поначалу Хасибек обрадовался находке и даже подумал о том, чтобы продать её, но стоило ему внимательней изучить устройство, как выяснилось, что оно сделано со множеством дефектов, самым ярким из которых является наличие четырёх стрелок, вместо трёх, ну а циферблат и вовсе имел странную шкалу деления с римскими цифрами – от одного до двадцати семи.

Он бы и дальше разглядывал непонятную подделку, но время поджимало. Не желая опоздать на редкий автобус до старшей школы Дзёто, Мотохама на ходу оделся, схватил потрёпанную сумку и выбежал в коридор, где столкнулся с рослым мускулистым мужчиной – своим отцом Мотохама Горо.

- Ты сегодня проспал. Всё в порядке? Выглядишь бледным.

- Извини, не смогу приготовить завтрак.

Оттолкнув обеспокоенного Горо, опаздывающий ученик буквально вскочил в обувь и на бегу вышиб дверь, несясь сломя голову к автобусной остановке. Однако даже в такой ситуации Хасибек находил мгновения, чтобы полюбоваться тем единственным, что доставляло ему в жизни удовольствие – природой. Он всегда считал её святой матерью человека, которая любезно даёт присосаться к своей груди наглому младенцу. Летом Мотохама дни напролёт проводил в саду, заботясь об одном больном цветке, красотой которого восхищался годами. Однажды ему повезло найти на улице настоящую алую розу, которую, должно быть, везли для украшения какого-нибудь богатого района. Цветок упал с грузовика посреди проезжей части. За целый день ни одна машина не смогла его раздавить: везение или судьба – решить трудно, но Хасибек выходил растение, и теперь оно стало своеобразным символом его любви к естественной красоте мира.

Однако именно сейчас его внимание привлекала отнюдь не идиллия этого самого мира, а его конец – увядание живого. Пусть в Осаке тепло почти круглый год, но зима всё же сказывается на редких травах и бутонах, заставляя их тускнеть.

ЗВУК: СИГНАЛИТ

Внезапно перед носом Хасибек-куна пронёсся автобус, слегка отстающий от графика. В горле у естествоведа застыло неприятное чувство. Ещё бы полшага, и у него не осталось бы целых костей, ведь скорость автобуса в купе с его массой просто смела бы хрупкое человеческое тело. Мотохама испытывал и ещё одно интересное ощущение – дежавю.

- Какого чёрта, парень! – водитель автобуса притормозил и высунулся в окно. – Смотри по сторонам, приятель. Я тебя чуть не сшиб!

На мужчине, активно жестикулирующем из окна общественного транспорта, проявились все признаки смертельного испуга. Без сомнений, он злился на себя, следовательно, был более ответственным человеком, чем могло бы показаться на первый взгляд.

ТИК ТАК ТИК ТАК ТИК ТАК...

- Ладно, пацан, ты садишься или как?

- Да, спасибо, - быстро выпалил Мотохама и запрыгнул в автобус.

Большую часть дороги до района Дзёто он не мог унять надоедливый звук часов, стоящий у него в голове. Должно быть, звон будильника настолько сильно отпечатался в мозгу юноши, что теперь его оттуда только ножом можно выскрести. Не помогало ни постукивание по уху, ни удары головой о стекло, ни просто покой. Тикающий звук никак не становился тише. Радовало только то, что он и не становился громче.

Списав всё на травму от будильника, Мотохама провёл оставшийся путь в раздумьях о своих планах на будущее. Оставалось всего полгода до выпускного экзамена. Все его немногочисленные друзья уже решили, кем хотят стать во взрослой жизни, и только Хасибе оставался пленённым своей философией отщепенца: «Люди – животные, считающие, что ими не являются». Каждое действие или решение он описывал с точки зрения базовой биологии человеческого вида: от любви до ненависти. И ведь у него получалось как нельзя лучше!

Нельзя было сказать, что Хасибе плохо учился, но он и не был отличником. Все его результаты и промежуточные тесты были ровно на середине. Он набирал необходимые баллы, но не более. И это даже не зависело от приложенных усилий: старайся Мотохама-кун или нет, но результат всегда был одинаков – золотая середина.

Возможно, в этом был и плюс молодого скептика. Пусть у него не было сильных сторон, которыми могли бы восхищаться окружающие, но зато не было и того, в чём Хасибе был бы абсолютно плох. Иногда он даже благодарил свою незаурядную жизнь за то, что с ним не происходит ничего интересного, но порой на него нападала тоска, съедающая душу изнутри. Как-то в дождливый день Мотохама-кун пришёл к выводу, что, если бы он умер, то даже не заметил бы этого, потому что, по сути, не живёт, а существует.

В этом никто не виноват: ни люди, ни судьба, ни сам Хасибе, просто так вышло, и это правильно. Средние люди живут средней жизнью: ходят в школу, делают работу по дому и проводят часы в полном одиночестве.

Был это юношеский максимализм или подростковое бунтарство, но Мотохама считал надобность в друзьях слабостью, которой следует по возможности избегать. Нет, у него есть пара друзей, но на контакт «средний человек» шёл очень туго. Даже со своим первым другом Хасибе познакомился очень странным образом.

Несколько лет назад в Осаку приезжала группа «Height Without Width», и как истинный ценитель рок-музыки, ненавидящий толпу, Мотохама-кун пробрался на внешний балкон клуба, в котором они выступали. Там он и встретил Кадзума, прилипшего к стеклу. У мальчишки не хватило денег на билет, но он не мог отказаться от такого шоу. Поскольку окошко было очень узким, ребята постоянно спорили, чья очередь смотреть на вокалиста, порой забывая о музыке. В конце концов, неудачное стечение обстоятельств привело к тому, что Кадзума поскользнулся и съехал с балкона. Если бы не рука помощи Хасибе, он бы сломал не одну пару рёбер и месяц пролежал бы в больнице. С тех пор спасённый хвостиком бегал за своим спасителем.

Как оказалось, ребята ходили в одну школу, а с этого года они стали ещё и одноклассниками. К тому же Кадзума живёт недалеко от станции Суминодо, поэтому они часто встречаются на пути домой. Если бы не принципы ненависти по отношению к поездам, то Хасибе мог бы ещё крепче сдружиться с единственным, кто не считает его посредственной серой массой.

Постепенно ландшафт пригорода сменился невысокими многоэтажными строениями, а ухабистая дорога стала более ровной. У большого бейсбольного поля автобус остановился, прижавшись к обочине. Здесь не было остановки как таковой, однако на заборе рядом висела надпись: «Дзёто», служившая её аналогом. Впрочем, большего и не требовалось.

Мотохама покинул общественный транспорт и попытался вдохнуть воздух полной грудью, но, к своему удивлению, не смог, почувствовав, будто бы у него внутри застрял непроходимый ком. Он захотел откашляться, но и тут ему не повезло. В итоге у парня вышло очень странное выражение лица, а изо рта рекой потекли слюни.

- Только не говори мне, что ты не позавтракал, - раздался насмешливый голос Кадзумы. - Опять поздно лёг? Ты весь бледный, как смерть. Тебе нужно высыпаться!

Отчитывая друга, Кадзума был похож больше на отца, чем на одноклассника. Его большие глаза выглядели очень добрыми и наивными, но в то же время опытными настолько, насколько это только возможно для старшеклассника. К тому же он не любил формальности, поэтому почти всегда ходил с закатанными рукавами. Учителя поначалу обращали на это внимание, пытались наказать, но потом смирились, поскольку ни кнут, ни пряник не сработали. А с недавних пор у Кадзумы появилась эта дурацкая причёска, со слов Хасибе, делающая его похожим на идиота.

- Я так выгляжу, когда выспался. Ты собираешься делать с что-нибудь с тем, что творится у тебя на голове? Это не нормально.

- Кто бы говорил! Срежь чёлку, а то начнёшь спотыкаться на ровном месте. И вообще, ты так на маньяка похож. Поэтому с нами девчонки и не общаются.

- Они с нами не общаются потому, что ты ведешь себя с ними как мужлан. Следующий раз попробуй не вываливать ноги на стол.

- Ничего не могу поделать - сила привычки.

- Этого у тебя не отнять... - пробубнил под нос Хасибе.

Обменявшись ежедневными утренними колкостями, друзья спешно направились в сторону бейсбольного поля.

Старшая школа Дзёто очень стара, и основана около 150 лет назад. За всё время её существования отсюда выпустилось много знаменитых людей, и каждый вносил свою лепту, делая что-то для места, в котором провёл лучшие годы молодости.

Именно поэтому здание школы имеет целых три пристройки и два больших стадиона, на которых даже проводятся соревнования национального уровня. Слава старшей школы Дзёто как школы со спортивным уклоном ходит по всему Хонсю.

Не мудрено, что физкультура здесь - обязательные занятия, проводящиеся четыре раза в неделю. Каждый месяц объявлялся посвящённым какому-нибудь виду спорта, и ученики тренировались, чтобы достичь высот в конкретном направлении.

Как Хасибе, так и Кадзума - оба считали спортивный вкус школы странным, так как сейчас в школе Дзёто установлена программа подготовки к толканию ядра. Целый месяц четыре раза в неделю мальчики и девочки бросают тяжёлые металлические шары от пяти килограмм и больше. Пока что рекорд установил кто-то из старших классов, но даже он близко не

приблизился к нормативным требованиям – 8 метров.

Раздельные раздевалки: мужская и женская, располагались друг напротив друга обособленными небольшими зданиями, причём в каждой был собственный душ и санузел. Несмотря на то, что толкание ядра – спорт для сильных, девочки так же им занимались, только для них нормативы были снижены. Учитель физкультуры считал, что независимо от пола каждый человек способен превозмочь себя.

Мотохама всегда смеялся над этими его словами, особенно когда сэнсэй злился на то, что он не выкладывался на полную из-за своего «среднего» уклада жизни. Да, Хасибе был старательным и отдавал всего себя делу, но только тому делу, которое ему интересно. Именно поэтому скучная физкультура была для Мотохамы чем-то вроде бремени.

Быстро переодевшись в зимнюю спортивную форму, ребята выбежали на стадион, где уже проводилась разминка. Они незаметно для сэнсэя пристроились за бегущими гуськом одноклассниками, но не прошло и минуты, как разминка закончилась. По свистку Шоты-сэнсэя, огромного накаченного мужчины с выпуклыми губами и глубоко посаженными глазами, учащиеся остановились.

- Мотохама, Ямадзаки, даже не запыхались. Превосходно! Может вас определить в клуб лёгкой атлетики? – Шота-сэнсэй, скорее всего, подозревал их в опоздании, и поэтому хотел подловить, но он не стал наседать, когда друзья синхронно мотнули головой в сторону и сделали вид, что смертельно устали. – Ладно-ладно, так уж и быть, но тогда сегодня вы первыми покажите класс в толкании. Ямадзаки, тащи ядро.

Тяжело вздохнув, Кадзума взглянул на друга и усталой поступью, подхватив несносное ядро, потащил его к сэнсэю.

- Живее, чего плетёшься.

Тем временем Мотохама почувствовал странное вмешательство в своё личное пространство. Резко обернувшись, он словил на себе взгляды нескольких девочек, которые дружно захихикали и спрятались, поняв, что их раскрыли.

- Тц... Вот настырные, - шёпотом выругался Хасибе.

Он отбросил мысли о девочках в сторону, не желая пропустить позор Кадзумы, который не был силён в спорте, а уж тем более в толкании ядра.

Однако, вопреки всем прогнозам, Ямадзаки взбодрился по неизвестным причинам. Сонливость пропала из его взгляда, её заменила серьёзность. Ухватившись за ядро, Кадзума отвёл плечо назад и, слегка промедлив, вытолкнул его изо всех сил.

БАХ

Снаряд упал в гравий, подняв облако пыли.

- 6.84 метра. Молодец, Ямадзаки, уже намного лучше. Так держать.

- Спасибо, Шота-сэнсэй.

Разминувшись с другом, Кадзума усмехнулся самому себе. Он помахал Мотохаме рукой и пожелал удачи, хоть и знал, что тот в неё не верит. Невозможно было сказать, когда

изменчивый характер Хасибе-куна даст сбой и станет чем-то новым, поэтому Кадзума оставался самим собой и просто был рядом с другом. Наверное поэтому они так хорошо ладят – никто не пытается быть лучше, чем он есть.

Пропустив слова приятеля мимо ушей, Мотохама занял его место. Сэнсэй подкатил к его ногам тяжёлое чёрное ядро, которое, на первый взгляд, казалось неподъёмным и даже пугающим. Желая быстрее перестать быть объектом всеобщего внимания, Хасибе поднял снаряд и, не прилагая абсолютно никаких усилий, толкнул его в самой грубой форме, даже и не надеясь, что тот пролетит хоть пару метров.

БАХ

Улыбнувшись самому себе, Мотохама собирался сойти с позиции, когда до него дошли вопли Шоты-сэнсэя:

- 15.89 метров! Невероятно!!! Ты, чёртов засранец, мог бы выступать на национальном, нет, олимпийском уровне!

Сэнсэй подбежал к ученику и схватил его за плечи, тряся и крича поздравления. Он буквально пустил слюну на своего нового абсолютного чемпиона, не обращая внимания на весь остальной посредственный люд.

Для Мотохамы слова сэнсэя звучали так, будто учитель находился по другую сторону стадиона. Парень был целиком и полностью поглощён своим броском. Как так вышло, что даже не напрягая руку, он толкнул ядро почти на 16 метров? Наверное сам Шота-сэнсэй на такое не способен. Это, как минимум, не нормально...

- Сэнсэй, вы сломаете ему что-нибудь! – вклинился Кадзума, пытаясь защитить чемпиона от тренера, уже распланировавшего программу тренировок на год вперёд.

Приложив немало усилий, ему всё же удалось выдрать Хасибе из лап учителя, и они вдвоём отошли в сторону. Убедившись, что их никто не слышит, Ямадзаки с ноткой неподдельного интереса спросил:

- Как ты это сделал?

- Понятия не имею. Я даже не собирался толкать, только подбросил, но...

Виновник переполоха не мог объяснить сей инцидент, он не был уверен в том, сможет ли повторить свой результат. Может он спит? Или бредит? Да, точно, именно поэтому в голове у Хасибе звучит этот противный звук несмолкающих часов.

ТИК ТАК ТИК ТАК ТИК ТАК...

Вся школа стояла на ушах, когда молва о подвиге Хасибе разлетелась по коридорам, передаваемая со скоростью света. Словно чума, слухи, сотни раз приукрашенные и приумноженные, охватывали каждого. Не нарочно, но учащиеся старшей школы Дзёто начали уважительно относиться к такому сильному человеку. К тому же они его немного побаивались. В их глазах Мотохама-кун был середнячком, который никогда не выделялся, и потому такие феноменальные способности его на первый взгляд хрупкого тела становились предметом всеобщих обсуждений.

День среднего человека прошёл отнюдь не средне. Некоторые сэнсэи почтительно или с нотками благоговения здоровались с ним в коридорах, кто-то уступал место, а кто-то и вовсе бросался прочь, боясь задеть Хасибэ и получить от него крепкого тумака. Хоть Мотохама и не был мускулистым, слабым его тоже не назовёшь, а аура силача, витающая вокруг него, словно призма меняла мировоззрение окружающих.

Сидя в саду школы, Хасибэ и Кадзума наслаждались только что купленным обедом. Их вкусы в еде разнились, как день и ночь, но ребята всегда предпочитали есть вместе, чтобы поговорить о том и сём и, иногда, несмотря на отвращение, обменяться едой. Возможно, таким способом они лучше друг друга понимали. Это было их общей традицией, магическим ритуалом доверия.

- Хасибэ, - прожёвывая булочку со сладким картофелем обратился к другу Кадзума, - тэбшэ нафша качафша.

- Будь добр, не говори с набитым ртом.

ГЛОТЬ

- Прости, всё такое вкусное. Тебе качаться надо!

Кадзума демонстративно схватил друга за плечо и пощупал мышцы. У прохожих это вызвало странные ассоциации, они отводили взгляд и хихикали, наблюдая исподлобья.

- Какая масса. А текстура!

- Чёрт, Кадзума, не трогай меня! Говорю же, это вышло случайно.

- Ага, так я тебе и поверил. Ты на олимпийском уровне, понимаешь? Это тебе не случайность, а чистый талант. К тому же, если ты станешь известен, нами наконец-то заинтересуются девочки.

Не желая выслушивать этот бред, Хасибэ схватил приятеля за шею, сжал свободную руку в кулак и крепко начал его втирать в причёску Кадзумы, делая вращательные движения, как отвинчивают и завинчивают пробку.

- Больно, Хасибэ, прекрати!

Почти плача от боли, Кадзума вырывался и бился изо всех сил, и, когда ему наконец-то удалось освободиться от хватки силача, он обидчиво потёр ноющую макушку:

- Ты действительно очень сильный. Чуть скальп с меня не снял, индеец недоделанный.

- Правда?

Мотохама присмотрелся к своим рукам и заметил на костяшках несколько красных кровавых пятен. Он тёр с такой силой, что практически оставил друга без волос, а свою кожу счесал. Удивляло его как полное отсутствие боли, так и взявшаяся из ниоткуда сила.

- Прости, но ты сам виноват.

- Ах, ладно, забыли. Ты будешь это есть?

Печально и нетронутым выглядел обед Хасибэ-куна, вернее его завтрак. Из-за того, что он проспал, поесть утром у него не было времени, но даже сейчас парень не ощущал урчания в

желудке. Он смотрел на еду с отвращением, будто перед ним были не рыбные биточки с рисом и подливой, а чьи-то экскременты.

- Что-то не хочется.

В иной ситуации Кадзума не задумываясь запихнул бы всё это себе в рот, но сейчас он искренне желал приумножить силы лучшего друга и на его горбу въехать в рай, где их будут окружать девушки. В конце концов даже менеджеры сильнейших спортсменов живут как короли. Именно поэтому Ямадзаки-кун схватил биточек и силой впихнул его в приятеля. Тот чуть не подавился, но проглотил пищу, даже не пережевывая.

- Ешь. Тебе нужны силы, чтобы прорубить нам путь к славе. Буа-ха-ха-ха-ха!

Своим смехом Кадзума пытался пародировать одного известного злодея из аниме, но выходило у него, мягко говоря, не очень. Тем не менее ему удалось заставить Хасибэ поверить в собственные силы. Закрыв глаза и задержав дыхание, Мотохама вывалил содержимое коробочки себе в рот и проглотил. Чудом он не подавился, запивая липкую массу дынной газировкой.

- Ого... Ты уже ешь в три горла. Вот это по-нашему! Через месяц я уже не смогу обхватить твои бицепсы. Буа-ха-ха-ха!

Дурацкий смех Кадзумы сильно раздражал нового героя старшей школы Дзёто, поэтому тот легонько толкнул подражателя в бок. То ли от толчка, то ли от дикого хохота, Ямадзаки свалился со скамейки и сильно ушиб копчик. Он начал сетовать на судьбу, когда их окликнул мальчишечий голос:

- Мотохама-сэмпай.

Нарушителем их идиллии оказался робкий запыхавшийся первогодка, которого никто из них раньше не видел. Незнакомец опёрся на колени, стараясь отдышаться, и вытащил из нагрудного кармана записку. Он протянул её Хасибэ:

- Вам просили передать.

Пока Хасибэ-кун непонимающе разглядывал письмо, Кадзума вскочил на ноги и вырвал его из потных лап гонца. Он сделал умный вид, расспрашивая первогодку:

- Кто просил? Когда? Это девушка? Она красивая? У неё есть подруга или младшая сестра? Отвечай!

- Простите, Ямадзаки-сэмпай, фуууух фууууух, меня просили не говорить, фуууух фууууух.

Наконец-то Хасибэ очнулся, его пробуждению способствовали вопли Кадзумы, яростно допрашивающего почтальона. Получатель вырвал записку из рук друга и внимательно изучил её внешний вид. Тетрадный листок пах мягкими цветочными духами.

Убедившись в том, что посылка доставлена, первогодка поспешил удалиться, будто боясь, что его отметелят за дурные вести. Слава о сверхчеловеке Мотохаме шагает по земному шару с небывалой скоростью.

- Ну же, читай, читай!

Наставления Кадзумы снова стали раздражать среднего человека. Пригрозив другу расправой, Мотохама добился тишины и развернул листок:

«Я хочу встретиться с тобой после занятий на складе спортивного инвентаря. У меня очень важное дело. Пожалуйста, приходи один».

- Кажется, тебя хотят побить, - рассмеялся Ямадзаки-кун.

Он хотел откинуться на спинку скамейки, но позабыл, что сидит боком, и снова свалился с неё, на этот раз ушибив локоть. Он всегда был неуклюжим, но энергичным.

Как бы Хасибе не хотелось признавать его правоту, но записка сильно похожа на ловушку. Почерк скачет, как у мальчика, от бумаги слишком сильно пахнет духами, будто на неё специально вывернули целый флакон, а загадочное «приходи один» скорее всего означает, что кто-то хочет помериться с ним силой. С великой силой приходит большая ответственность.

- Ну так что, пойдёшь?

- Да, но один.

- Эй, а если тебя правда поколотят?

- Не бойся, я не так прост. К тому же ты сам сказал, мне нужно качаться. Подкачаюсь на наглецах, просивших вызов чемпиону Мотохаме.

Поднявшись с земли, Кадзума наигранно поклонился, он изобразил спортивный жест, означающий приветствие, а затем схватил руку приятеля и поднял её, громко произнося:

- В правом углу бесспорный чемпион планеты, Мотохама Хасибе-сама. Абсолютный лидер всех видов единоборств!

Друзья звонко рассмеялись, чем снова привлекли взгляды прохожих. Кажется, ими интересуется всё больше людей. Ими двумя, а не только Мотохамой. Кадзуме тоже достанется кусочек популярности и, к сожалению, её побочные эффекты. Почему-то Хасибе казалось, что его жизнь больше никогда не станет прежней. Этот бросок на шестнадцать метров изменил всё.

Распрощавшись друг с другом, ребята условились завтра встретиться на станции Ёдогава в десять утра, чтобы сходить в один торговый центр на набережной. Они с нетерпением ждали, когда в нём починят их любимый игровой автомат – «Викинг-варвар».

Мечтая о поединке на топорах, Мотохама, витая в облаках, направился к складу спортивного инвентаря, располагавшемуся недалеко от мужской раздевалки, за углом стадиона. Здесь редко кого можно было встретить, поэтому для «поединка» место было выбрано удачно.

Большое здание, больше напоминавшее сарай из старых сухих досок, синяя краска с которых почти везде слезла, имело весомую дверь толщиной с руку. Это тот случай, когда ворота крепче забора.

Хасибе не забывал оглядываться по сторонам, ища подвох в каждом листочке, и кое-что привлекло его внимание. Нет, не преследование, он заметил маленький белый кокон на кусте, растущим рядом со складом. Гусеница только что оплела себя нитью, сотворив домик. Совсем скоро она переродится в новое красочное существо, способное летать. Это событие было очень

примечательно, ведь декабрь не был сезоном метаморфоз. В это время личинкам полагается спать.

Вдоволь насладившись видом редкого явления, Мотохама решил отбросить все остатки благоразумия и уверенно вошёл в распахнутую дверь склада. Он чувствовал, что страх, который сдерживает живые существа от совершения глупостей, отступил полностью и его место заняло желание показать себя.

- Эй, здесь есть кто-нибудь?

Голос паренька эхом отразился от пустых стен. Сам склад был заполнен скудно, так как большая часть инвентаря менялась каждый год, а новые снаряды хранятся в школе, под надёжным замком. Здесь же имелась пара старых дырявых матов, несколько гимнастических палок, скакалки и мячи, кучей сваленные в углу. С высокого потолка свисал канат из плотных волокон. Он не подавал надежд, выглядел так, будто вот-вот потащит за собой крышу.

ШУРХ ШУРХ

Даже сам Мотохама не мог понять, как его тело так быстро среагировало на такой тихий звук, но он обернулся за долю секунды. От резкого поворота что-то в пояснице гулко хрустнуло, но боли Хасибе не почувствовал. Однако ему показалось, только на мгновение, что краем глаза он заметил чью-то невообразимо высокую, под три метра, тёмную фигуру.

«Нервишки шалят», - подумал Хасибе.

Он внимательно обследовал каждый уголок склада, пытаясь найти ещё одну записку или хоть что-нибудь, что могло бы указывать на цель его визита сюда, но старый склад был простым старым складом со сквозняком, гуляющим меж распахнутой дверью и выбитым окном под крышей.

Больше всего Мотохама жалел, что не успел на автобус до дома, и теперь ему придётся ждать ещё долго. Очень странно разворачивались события сегодняшнего дня. Может он спит и это один из тех дурацких снов, что ему вечно докучают? Вряд ли, никогда раньше сны не были такими продолжительными и реалистичными, к тому же для сна здесь слишком дурно пахнет сыростью.

ШОРХ ШОРХ ШОРХ...

- Кья!

Внезапно раздавшийся женский крик свалился на Хасибе, как снег на голову. Он, конечно же, услышал шаги, но и представить себе не мог, что в следующее мгновение на него рухнет девушка, вопящая во всё горло.

Прежде, чем поваленный Мотохама опомнился, хижина погрузилась во мрак, раздался звук захлопывающегося замка и смех нескольких девочек снаружи:

- Риса-чан, дерзай! - послышался тоненький голосок.

«Женское тело такое лёгкое и мягкое», - мелькнуло в голове Хасибе. Он еле сдерживался, чтобы не принять подарок судьбы как плюшевую игрушку. Хоть девушки не слишком его заботили, отказываться от их внимания он не хотел. Всегда приятно побывать в чьих-то объятиях, пусть даже случайных.

- П-прости, Мотохама-кун.

Своим неуклюжим поведением девочка напоминала Кадзуму, она качалась в стороны, поднимаясь с парня, которого придавила, а заметив, что своей коленкой сильно ударила его в живот, растерялась ещё больше.

- Пожалуйста, прости-прости.

Девочка склонила голову и зажмурилась, будто боялась посмотреть на свою мишень, в которую так ловко приземлилась. Хасибе однако не чувствовал себя плохо, напротив, его переполняли эмоции. В первую очередь это было облегчение от того, что его сегодня бить не будут. Хотя этот удар по животу должен был быть болезненным, Мотохама ничего не почувствовал. Он списал всё на порхающее чувство в груди и приготовился к благоприятному исходу.

- Ничего, ты почти не виновата, - пошутил Хасибе, представ перед своей обидчицей в полный рост. Если бы на складе было чуточку больше света, его тень полностью накрыла бы низенькую незнакомку. Девушка была ниже Хасибе на голову, может даже на полторы.

- Значит, твои подруги нас заперли.

В ответ только кивок.

- И ты хотела мне что-то сказать?

Кивок.

- Знаешь, эта игра в угадайку не самый весёлый способ провести пятничный вечер. Пожалуй, я попробую выбраться отсюда, если ты хочешь помолчать.

Конечно же Хасибе блефовал. Ему до жути было интересно, что же за разговор уготовила незнакомка. Судя по дрожащим плечам и стеснительному взгляду, она хотела поднять некую щепетильную тему. Возможно ли, что... Нет, не может быть! Мотохама чуть не прикусил язык от счастья. Вернее, он прикусил его, так как в следующий миг почувствовал металлический привкус крови, но больно ему не было - в крови бушевали подростковые гормоны.

Неужели, стоило ему победить себя среднего и проявить крайнюю степень силы, как Хасибе оказался под колпаком у девичьего сердечка. Ах, сейчас она точно признается ему. Ещё немного и на крыльях Амура Мотохама поднимется под потолок и вылетит в окно.

- М-мотохама-кун, прости меня.

- Ах, да я на тебя не обижаюсь, - состроив «крутую» рожу ответил воодушевлённый мальчишка. Он попытался придумать позу, в которой лучше предстанут его пока отсутствующие мышцы, но выходили только неуклюжие телодвижения, к слову, очень смешные. - Как тебя зовут?

- Асано Риса, второй год.

Значит они одноклассники. Какое милое имя...

- Риса-чан...

Мотохама мечтательно произнёс мелодичное имя, но тут же спохватился, словив растерянное выражение лица Рисы, он попытался выкрутиться небольшой ложью:

- В смысле, можно я буду звать тебя Риса-чан? – по лбу Хасибе скатилась пара воображаемых капелек холодного пота.

- Хорошо, тогда можно мне звать тебя Хасибе-кун?

- Конечно!

Как парень, Хасибе и мечтать не мог о такой милой и доброжелательной девушке. Несмотря на то, что она кажется стеснительной, Риса-чан была пробивной, об этом говорила её быстрая реакция на происходящее и способность к адаптации в разговоре. Иными словами эта девочка была очень общительной, просто вопрос на повестке дня мешал ей раскрыть собственный потенциал.

- Риса-чааааан... - шёпотом произнёс Мотохама и снова прикусил язык. К счастью, Асано-чан ничего не услышала. – Кхм. О чём ты хотела поговорить?

- Ну знаешь... Если ты не против... Я хотела сказать, если у тебя есть время... Давай сходим куда-нибудь вместе...

- Конечно схо..., - но не успел Хасибе ответить, как Риса-чан вылила на него ведро ледяной воды. Абстрактное, конечно же. Она привела в чувство Мотохаму:

- ...вместе, втроём.

- Втроём?

- Да. Я, ты и... Ямадзаки-кун...

ТРЕСЬ

Этот звук. Это только что треснуло самомнение Мотохамы. Он-то думал, что, стоило ему совершить феноменальный поступок, как его жизнь изменится, но суровая реальность такова – Кадзума есть причина робости Рисы-чан. На Хасибе навалилась усталость. Он больше не желал находиться в одном помещении с самим собой, и инстинктивно дёрнул за верёвку, выбирая между двумя вариантами: выбраться через окно или повеситься.

- Ты хочешь, чтобы мы куда-нибудь сходили втроём? Тебе нравится Кадзума?

Кивок.

Словно гора Фудзи, пытающаяся удержаться от извержения, Мотохама вскипел и еле сохранял спокойствие. Он желал рвать волосы из-за своей глупости и высокомерия. Конечно он останется средним человеком со средней жизнью, ведь перемены не случаются просто так.

- Куда ты хочешь сходить? – угрюмо, но стараясь не выдавать обиды, спросил Хасибе.

- Я не знаю... Как по-твоему, что ему больше нравится?

- Понятно.

На долю секунды Рисе показалось, что её новый знакомый разозлился, но потом она догадалась, что его поглотили раздумья. В конце концов, Хасибе-кун пришёл в себя. Он знал, как сильно Кадзума хотел обзавестись девушкой, и поэтому чётко решил сделать всё, чтобы помочь ему. Они ведь друзья, в самом же деле!

- Ничего больше не говори. Давай просто выберемся отсюда, а потом я помогу тебе.

- Поможешь? – словно маленький ребёнок, Риса чан наклонила голову набок, задавая вопрос. Это выглядело так мило, что у Мотохамы сдавило дыхание.

- Помогу. Я сделаю так, чтобы вы с Кадзумой начали встречаться.

В глазах девушки загорелись огоньки, нет, это мелькали слёзы счастья. Они блеснули в смутных солнечных лучах, попадающих в старую хижину через окно. Увидев эти сырые глаза, Хасибэ понял, что не ошибся. Асано-чан на самом деле хорошая девушка. Он улыбнулся и подошёл к двери.

ТУК ТУК ТУК

Постучав по дереву, Мотохама громко попросил выпустить его:

- Эй, подружки Рисы-чан, открывайте. Мы всё решили.

- Мисаки, пожалуйста, открой! – повторила просьбу Риса-чан, но им никто не ответил.

Приложив ухо к двери, Хасибэ убедился, что по ту сторону никого не было. Вот она, женская дружба – оставить подругу на произвол судьбы. А сели бы он оказался маньяком? Или того хуже... Ах, Кадзума никогда бы так не поступил.

- Что ж, остаётся только один способ. Я выберусь в окно и открою дверь снаружи. Жди меня тут.

- Постой... - Асано-чан попыталась остановить нового приятеля, но тот не слушал её. Он театрально плюнул на ладони, растёр их и ухватился за верёвку.

Балка, на которой висел канат, затрещала, с неё посыпалась пыль.

- Всё в порядке, я сейчас.

Уверенность Мотохаме придавали его окрепшие руки. Он не понимал, что происходит с его телом, но был этому безгранично рад. В конце концов сейчас он взбирался по канату, не прилагая никаких усилий. Может его сила позволит и по стенам ходить?

Забравшись уже довольно высоко, Хасибэ взглянул вниз. Любой другой бы испугался, но не средний человек, страх которому с недавних пор неведом. И всё же ком к горлу подступил.

Раскачавшись на канате, Мотохама ухватился за оконную раму и повис на ней. Он без труда подтянулся на сухих досках и навалился всем телом вперёд, пытаясь выбраться, но его остановил знакомый голос:

- Хасибэ, ты уже по стенам ползаешь!

Невесть откуда взявшийся Кадзума стоял внизу, присвистывая от удивления. Должно быть он последовал за другом и всё это время где-то прятался.

- Не неси чушь, лучше найди что-нибудь мягкое, чтобы я спрыгивал...

ТРЕСЬ ХРЯСЬ ШМЯК

Старые доски затрещали и лавиной обрушились вниз. Потеряв точку опоры, Мотохама отправился вслед за ними, широко раскрыв глаза. Он мог видеть, как обломок канатной балки нацелился ему в грудь своим острым концом...

<http://tl.rulate.ru/book/12587/393880>